

## РОССИЙСКИЙ И СОВЕТСКИЙ ПЛЕН КАК ПРОСТРАНСТВО НЕФОРМАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (по материалам Среднего Урала)

Достаточно беглого взгляда на отечественную историю, чтобы констатировать, что в Россию как страну, воевавшую практически постоянно, неизбежно возвращалась реальность военного плена. Однако плен времен Первой и Второй мировых войн заметно отличался от своих более ранних аналогов. Общемировые военные конфликты породили невиданные доселе масштабы пленения вражеских военнослужащих, а следом – и их массовое вовлечение в трудовые процессы. Последнее было особенно актуально для Уральского региона, сыгравшего не последнюю роль в обеспечении боеспособности как Русской императорской, так и Советской армии.

В период Первой мировой войны пленные иностранцы стали обыденной реальностью жизни Урала уже к весне 1915 г. По сведениям уездных исправников Пермской губ., к 1 августа 1915 г. в экономике края использовался труд более 22 тыс. солдат противника<sup>1</sup>. К лету 1916 г. статистика уральского плена значительно подросла, достигнув показателя в более чем 50 тыс. человек, а в следующем 1917 г. преодолела планку в 70 тыс. человек<sup>2</sup>. Во время Второй мировой войны на Среднем Урале были созданы одни из первых тыловых лагерей для военнопленных в СССР. В победном 1945 г. здесь содержалось более 40 тыс. бывших вражеских военнослужащих, в 1946 г. – порядка 90 тыс.<sup>3</sup> По количеству военнопленных регион занимал первое место в РСФСР и второе по СССР, уступая только Украинской ССР.

Как в начале, так и в середине XX в. формирование на территории края внушительной «армии» плененных неприятельских военнослужащих потребовало немалых усилий для регламентации режима и условий их содержания, что, в свою очередь, породило массу постановлений, распоряжений, циркуляров, директив и приказов. Есть сведения, к примеру, что в СССР число нормативно-правовых актов, так или иначе касавшихся судеб военнослужащих противника, составило более 3 тыс.<sup>4</sup>

Отдельно в этих документах рассматривался вопрос о контактах военнопленных с местным населением. В годы Первой мировой они трактовались как «нежелательные», во время Второй мировой – и вовсе как «преступные». Очевидно, таким образом, что с точки зрения законодательства контакты военнопленных, реализовывавшиеся вне формальных коммуникативных каналов, иначе, как нелегитимные, рассматриваться не могли. Однако они легитимировались самой жизнью, поскольку плен априори не мог исключать личных, неформальных связей. При этом, как и любой другой аспект социального взаимодействия, неформальная коммуникация в пространстве плена имела свои мотивы и цели, смысловую и содержательную нагрузку, могла носить как приватный, межличностный, так и публичный, массовый характер.

Под неформальной коммуникацией чаще всего подразумевают слухи, сплетни, кривотолки, анекдоты и «родственные» им явления<sup>5</sup>. Их циркуляция характерна для внутригрупповой и межуровневой коммуникации относительно однородных в социокультурном смысле обществ. Но для жителей Среднего Урала, с одной стороны, и «подневольного интернационала» из военнопленных – с другой, неформальное общение посредством слухов не могло стать доминирующей формой межгрупповой коммуникации. Этот пример показывает, что сведение неформальной коммуникации к

---

\*Суржикова Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 11-31-00-702м.

слухам не учитывает того обстоятельства, что помимо информационной, она имеет и другие, не менее важные функции.

Будучи, по мысли Ю. Хабермаса, основополагающим социальным процессом<sup>6</sup>, коммуникация, помимо прочего, характеризуется еще и экзистенциональной составляющей, предполагающей самоопределение ее участников. Поэтому при изучении универсальных коммуникативных практик важным оказывается не только анализ конкретных опытов непосредственного взаимодействия людей, но и их мнений, настроений и переживаний.

Специалисты считают, что неформальная коммуникация является более «скоростным» процессом, нежели формальная, обладая свойством практически бесконечно-го продуцирования стилей и способов общения людей. Неудивительно поэтому, что плен мировых войн достаточно быстро противопоставил официальному курсу на искусственную изоляцию пленных модель значительно более гибкую и вариативную. Лингвокультурный барьер между местными жителями и военнопленными не являлся непреодолимым, причем последние быстро усвоили – в силу закона экономии речевых усилий – прежде всего слова и словообразования, необходимые для обеспечения минимума понимания (см. табл.).

Таблица

**Статистика повторяемости русских лексических единиц в речи немецкоговорящих пленных периода Второй мировой войны**

| Лексическая единица  | Частота встречаемости, в % от остальных русизмов | Лексическая единица | Частота встречаемости, в % от остальных русизмов |
|----------------------|--------------------------------------------------|---------------------|--------------------------------------------------|
| Natschalnik          | 13.87                                            | Walenki             | 1.8                                              |
| Kascha               | 10.61                                            | Machorka            | 1.63                                             |
| Domoi                | 9.79                                             | Paschalsta          | 1.22                                             |
| Dawai                | 8.57                                             | Spasibo             | 1.22                                             |
| Ruki werch           | 6.53                                             | Plenni              | 0.81                                             |
| Chleb                | 6.12                                             | Ukaz                | 0.81                                             |
| Kolchose/Sowchose    | 3.67                                             | Stachanowtschik     | 0.81                                             |
| Spezialist           | 3.67                                             | Chleboreska         | 0.408                                            |
| Brigadire            | 3.45                                             | Kuchnja             | 0.4                                              |
| Kartoschki           | 3.26                                             | ...twoju mati       | 0.4                                              |
| Da/Net               | 3.26                                             | Kapustasup          | 0.4                                              |
| Tschai               | 2.85                                             | Kuschat             | 0.4                                              |
| Dokument             | 2.44                                             | Tscho Eto           | 0.4                                              |
| Stolowaja            | 2.04                                             | Idi Sjuda           | 0.4                                              |
| Raboti dawai         | 2.04                                             | Saprali             | 0.4                                              |
| Ja ne ponimaju       | 2.04                                             | Potschemu           | 0.4                                              |
| Zapzerap             | 2.04                                             | Stoi                | 0.4                                              |
| Fufaika/Gimnastjorka | 2.04                                             | Kuda                | 0.4                                              |

<sup>6</sup>Подсчитано автором по: *Pechman J.* Dawai, dawai! Meine Kriegsgefangenschaft in Ural 2 Mai 1945–17 Dezember 1947. Wien, 1997.

Режимная составляющая плена также не стала препятствием для формирования особого пространства взаимоотношений между пленными иностранцами и представителями «принимающей стороны». В годы Первой мировой войны российский плен в большинстве случаев не предполагал ни колючей проволоки, ни вышек по пери-

метру, ни специально построенных барачных «городков». Для размещения пленных на местах воинские начальники, в чье ведение поступали отвоёвывшиеся солдаты и офицеры противника, как правило, использовали уже имевшиеся строения. Так, под лагерь военнопленных в с. Верхние Муллы Пермской губ. были арендованы частные дома, а также помещение земства; в Верхотурье – здание женской гимназии; в Оханске – земский арестантский дом; в Красноуфимске – казенный винный склад, а также площади приготовительно-технического класса, промышленного училища; в Соликамске – соляные амбары городского общественного управления; в Шадринске – здания старого городского театра и ломбарда, частные дома; в Екатеринбурге – помещения Вознесенской и Гоголевской школ, Верх-Исетский народный дом-театр, номера Александра и гостиница «Тихий Дон»; в Ирбите – Екатерининская школа, Москательные корпуса и корпуса Феттер-Гинкель, гостиный двор и лучшая в городе гостиница «Ирбитское подворье», где размещались офицеры<sup>7</sup>. Прибывая в пункт назначения, пленные, таким образом, не только не концентрировались в более или менее изолированных и отдаленных местах, они, скорее, рассредоточивались и даже рассеивались, что облегчало задачу преодоления коммуникативных барьеров между ними и местным населением.

Вторая мировая война, породившая целую систему хорошо организованных и охраняемых учреждений для содержания пленных, с подачи австрийского историка С. Карнера часто именуемую архипелагом ГУПВИ<sup>8</sup>, на первый взгляд, не знала столь беспечного отношения к вопросу сегрегации местных жителей и иностранных военнопленных. Но это только на первый взгляд. В пос. Дегтярка отделение лагеря № 313, позже преобразованное в штрафное отделение особорежимного лагеря № 476 для военных преступников, своим ограждением практически соприкасалось с забором одной из местных школ, ученики которой могли не только беспрепятственно наблюдать за тем, что происходит за колючей проволокой, но и разговаривать с пленными<sup>9</sup>. В с. Писанец пленных, «прикомандированных» к местному колхозу «Красный партизан», вообще разместили в частных домах и квартирах, нисколько не тревожась за столь близкое соседство «своих» и «чужих»<sup>10</sup>.

Фактором, способствовавшим установлению и развитию ненормативных, с правовой точки зрения, связей между пленными иностранцами и уральцами, стала, помимо прочего, еще и ставка на максимально возможное вовлечение вражеских военнослужащих в трудовые процессы. Она заставила власти пойти на своеобразный компромисс: за высокую степень интеграции пленных в хозяйственную жизнь страны в годы обеих войн пришлось заплатить превращением производства в одну из постоянных зон общения военнопленных с местными жителями. Изначально предполагавшее кооперацию труда производство сталкивало их, заставляя совместно решать те или иные задачи, т.е. взаимодействовать. В ходе именно таких контактов местные крестьяне в 1915 г. открыли для себя незнакомые ранее приемы уборки урожая, а рабочие одного из заводов треста «Богословскуглестрой» в 1947 г. – пресс воздушного давления для производства шлакоблочного кирпича, с применением которого производительность труда увеличилась в 6 раз<sup>11</sup>.

Следует отметить, что, относясь друг к другу одновременно и с любопытством, и с опаской, стороны делали первые шаги навстречу друг другу по-разному. В годы Первой мировой прибытие пленных в регион зримо нарушило провинциальную идиллию, став для неизбалованной событиями городской публики поводом для регулярного посещения местных вокзалов. Эшелоны с пленными традиционно встречала толпа зевак, которые собирались не только посмотреть, но и поговорить – и желательно не только между собой, а еще и с вновь прибывшими чужеземцами. Более того, среди местных жителей нашлось немало сочувствующих пленным. 2 января 1915 г. во время стоянки поезда с турками, захваченными под Саракамышем, собравшаяся около вагонов публика тут же произвела между собою сбор в пользу несчастных<sup>12</sup>. Теплый прием, оказанный местным обществом пленным, оказался для властей полной неожиданностью,

реакция на которую незамедлительно последовала в главной газете края, «Пермских губернских ведомостях»:

|                               |                                          |
|-------------------------------|------------------------------------------|
| «Городские наши дамы          | С поцелуями, цветами...                  |
| (Правда, кучка из них... дур) | Дорогих точно гостей...                  |
| Проявили во дни брани         | Обагрённых близких кровью                |
| Свои чувства чересчур.        | Наши дамочки врагов                      |
| Подражательницы моды –        | Удостоили любовью                        |
| Томских и казанских дам –     | Большей, чем родных борцов.              |
| Наши жалкие уроды             | “Вот какие психопатки                    |
| Оказали честь врагам.         | Еще водятся в Перми”...                  |
| Что им братьев вопли, стоны,  | От тех дам беря подарки,                 |
| И все ужасы войны,            | Удивлялись им враги...                   |
| Зверства гнусные тевтонов     | Да-ж с полей далеких брани               |
| Над их ближними-ж людьми...   | На проделку диких дам                    |
| Они пленников встречали –     | Крик дошел негодованья...                |
| Этих подлинных зверей –       | Стыд изменницам и срам!» <sup>13</sup> . |

В деревне же, в отличие от города, пленных ждали с большой опаской или не ждали вовсе. «Да что это начальство-то думает, – говорили старики деревни Верхние Чермоды Осинского уезда, – ведь они, пленные, всех нас здесь погубят, перебьют, сожгут наши дома, а потом и скроются. Разве можно на них надеяться, ведь они наши враги и нехристи»<sup>14</sup>.

Не особенно ждали вражеских военнослужащих и в годы Второй мировой войны, что задокументировано как собственно военнопленными, так и местными жителями. Австриец Йозеф Пехман, характеризуя прием пленных свердловчанами, писал: «Разнеслась весть о том, что мы прибыли в Свердловск, на Урал... В городе люди “приветствовали” нас, не скрывая враждебности: взрослые плевали в нашу сторону, дети кричали и кидали в нас камни»<sup>15</sup>. В пос. Лосиный Березовского района Свердловской обл. пленным также встречали не особенно радушно: «Жители с утра вышли к паровозу “кукушке”, который ходил с участка на участок (имеются в виду участки торфопеработок. – С.Н.). И вот в 4 часа вечера подошел состав, вагоны открыли, а пленные стоят и боятся выходить. Вышел военный, что-то им объяснил спокойно, и они стали выходить. Но военным пришлось сделать коридор из солдат с собаками, так как народ с обеих сторон начал на них (пленных. – С.Н.) надвигаться»<sup>16</sup>.

Со временем население (по крайней мере его взрослая часть) свыклось с фактом вынужденного соседства с вражескими военнопленными. Для детей же и подростков пленные так и остались возбудителями неизбывного любопытства. Идущая где-то далеко Великая (Первая мировая) война, запах которой доносился и до уральского тыла, как заметил наблюдательный обыватель, круто изменила круг привычных детских забав: если раньше в уличных играх деревенских ребятишек господствовали «свадьба» и «лошадка», то теперь их вытеснили баталии, сопровождавшиеся массовым захватом «австлийцев» и «елманцев»<sup>17</sup>. Когда же в деревне появились «подлинные» австрийцы и германцы, хоть и поверженные, местный «молодняк» не упустил возможности вступить в «бой» с настоящим, по их разумению, врагом. Так, 11 июня 1916 г. подростки Верхне-Синячихинского завода «с целью озорства кидали на крышу и в стены казармы военнопленных камнями и поленьями», за что и поплатились месячным арестом<sup>18</sup>. Удалые молодцы с. Турьинские Рудники Верхотурского уезда «пошалили» так, что попавшийся им под горячую руку вечером 26 декабря 1916 г. пленный австриец И. Калман был тяжело ранен<sup>19</sup>.

Восприятие пленных взрослыми и детьми в период Второй мировой войны не претерпело особых перемен. Житель г. Дегтярска В.Н. Жуков вспоминает: «Отец мой, фронтовик, про пленных никогда не говорил. Ни разу не было такого разговора даже»<sup>20</sup>. Сам же Владимир со своими сверстниками специально бегал из «старой» Дегтярки в «новую», чтобы посмотреть на колонну пленных, шедших на работу. Выискивая среди них палача Зои Космодемьянской, который якобы носил на шее особую табличку,

В. Жуков стал свидетелем «обстрела» пленных из рогаток, устроенного окрестной детворой. Вернувшись из армии в 1954 г. относительно зрелым, 23-летним человеком, Владимир, по его словам, стал воспринимать пленных совсем иначе: «Я на них, пленных, не обращал никакого внимания, надо было устраивать свою жизнь»<sup>21</sup>.

Пленные к проделкам детворы относились терпимо, чему способствовала коммуникативная открытость тех и других, имевшая, правда, разную «этиологию». Так или иначе, но многие из тех, кто прошел через полуголодное военное и послевоенное детство, до сих пор помнят горький вкус немецкого шоколада, который пленные бросали из колонн в сторону сопровождавшей их босоногой детворы. «Детское сознание не воспринимало их как однородную безликую массу, каждый из нас выделял в шеренгах “своих” немцев, мы, пацаны, ждали у обочины их возвращения, знали – нас ожидает гостинец, – вспоминает житель г. Первоуральска В. Присяжный. – ...Был “свой” немец и у меня – никогда его не забуду – средних лет мужчина, всегда искавший меня глазами в стайке сверстников и вечно что-то для меня припасавший. Напоминал ли я ему оставленного где-то под Мюнхеном или Бреслау сына – не знаю, но как бы то ни было, между нами зародилась невидимая нить дружбы»<sup>22</sup>.

Свою специфику имел процесс коммуницирования местных жителей и военнопленных офицерского состава. Источники как начала, так и середины XX в. показывают, что для офицеров проблема статусной идентичности всегда оставалась актуальной, проявляясь, в частности, в их преимущественно снисходительно-пренебрежительном отношении к местному населению. Прибывшие в Пермь в феврале 1915 г. 20 офицеров и 2 врача тут же обратились к региональной элите с петицией на французском языке, в которой, «высказывая свою уверенность в культурности и просвещенности России», выражали надежду на культурное и гуманное обращение с ними<sup>23</sup>. Этим демаршем они сразу вызвали у многих местных жителей неудовольствие. Не подлежащие принудительному трудоустройству офицеры вели праздный образ жизни, разгуливая по городским улицам, катаясь на лодках, посещая магазины и скупая дорогостоящие вещи и дефицитное продовольствие, навещая музеи и даже зланные места. В Соликамске такое поведение пленных офицеров едва не довело местных жителей до объявления бойкота местным торговцам и лично городскому голове Н. Ксенофонтову. 9 апреля 1916 г. на улицах города были расклеены листовки с обвинением ряда лавочников и владельцев магазинов в сокрытии некоторых товаров и их продаже по спекулятивно высоким ценам исключительно пленным офицерам. Донося о случившемся пермскому губернатору, уездный исправник констатировал: «Пленные офицеры в количестве около 300 человек, живя на готовых квартирах и получая кроме жалования большие суммы с родины, создали непосильную конкуренцию горожанам, так как не стесняются в ценах и это вызывает серьезные неудовольствия»<sup>24</sup>. Простой обыватель вообще не мог взять в толк, почему пленному солдату и офицеру исчезнувшие с прилавков сахар, табак и белый хлеб положены, а ему, русскому человеку, – нет.

Негодование публики вызывал и тот факт, что сопровождавшие офицеров стражники, по сути, превратились в прислугу, таскавшую за пленными сумки с покупками<sup>25</sup>. Впрочем, это, вероятно, был личный выбор каждого отдельно взятого охранника. Некоторые из них завязывали с пленными офицерами приятельские отношения. Так, в Екатеринбурге казаки почти ежедневно водили пленных на прогулку по Главному проспекту, главной улице города, где последним появляться запрещалось. Несмотря на это, пленные не стеснялись вальяжно прохаживаться «по бульвару» с тростями, а конвоирующий их казак шел вместе с ними, «как с друзьями, чуть ли не в обнимку»<sup>26</sup>. Коннополицейские стражники, охранявшие определенных на проживание в дома Козина в г. Осе офицеров, пошли еще дальше, зазывая проходивших мимо девиц внутрь и не скрывая при этом своего интереса: «Вам денег дадут, и мне перепадет на бражку / Вам заплатят хорошо и мне дадут 3 рубля на фуражку»<sup>27</sup>.

Офицеры, оказавшиеся в плену в годы Второй мировой, позволить себе таких вольностей, конечно, не могли, равно как и охранявшие их солдаты войск НКВД/МВД. Отношения между ними не выходили за рамки формальной коммуникации, причем,

как правило, по инициативе высокопоставленных пленных. «Станешь с кем-нибудь из них разговаривать, – припоминает служивший в дегтярской зоне военнопленных бывший сержант внутренних войск Н.А. Иванов, – а он говорит: “Что с тобой разговаривать, я – офицер, а ты – рядовой”»<sup>28</sup>. Другие офицеры вермахта также не скрывали своего презрительного отношения к русским и всему русскому, чем местным жителям особенно запомнился бывший шеф-пилот Гитлера генерал Г. Баур<sup>29</sup>.

Высокопоставленные пленники, пытаясь сохранить «тождественность», даже внешне отличались от просто военнопленных, что сыграло с одним из них – адъютантом Гитлера майором О. Гюнше – злую шутку. Уже после того, как осужденные военнопленные были амнистированы, перед отправкой на родину многие из них приходили на местное немецкое кладбище попрощаться с товарищами. Гюнше же, так и не дойдя до братских могил, вернулся в лагерь в одних кальсонах. Его ударили по голове и ободрали, как липку, умыкнув добротные и, возможно, «не наши» брюки, свитер и сапоги<sup>30</sup>. Трудно, однако, предполагать, что он стал участником столь неформального коммуникативного акта потому, что когда-то был так близок к фюреру. Просто высокий уровень преступности стал для послевоенного Урала обыденностью. Неудивительно, что пленные немцы уехали на родину с той же глубокой убежденностью в вороватости русских, с какой и приехали сюда.

Предпосылки для складывания этого стереотипа дала еще Первая мировая. Так, весной 1916 г. на ст. Нижняя Салда горнозаводской линии Пермской железной дороги крестьянином А. Долбаловым у работавшего там австрийца И. Тюрлика был похищен кошелек. История эта закончилась благополучно, вора задержали, а похищенное вернули владельцу, но осадок, что называется, остался<sup>31</sup>. Впрочем, пленные, побуждаемые нуждой, также «обижали» местное население. К примеру, в уездном городе Красноуфимске 30 июля 1915 г. 14 военнопленных, не устояв пред соблазном, украли 10 караваев хлеба со стоявшего на Соболевской улице воза<sup>32</sup>. Укравший рукавицы у крестьянки П. Шестаковой военнопленный Ч. Михаль, несмотря на возбуждение по факту кражи уголовного дела, отделался легким испугом, т.е. административным наказанием, уплатив пострадавшей рубль из своего заработка<sup>33</sup>.

Статистика подобных инцидентов неизвестна, как и статистика коммуникативных удач или неудач вообще. Вместе с тем было бы большим упущением не акцентировать внимание на очевидной зависимости этой статистики не только от возрастных или статусноролевых, но и от гендерных характеристик коммуникантов. Так, источники, посвященные труду военнопленных Первой мировой войны на промышленных предприятиях, где в основном работали мужчины, значительно чаще фиксируют «эксцессы» с участием военнослужащих противника, нежели документы, проливающие свет на привлечение последних к сельскохозяйственным работам, осуществлявшимся, за уходом порядка 37% мужчин в армию, селянками<sup>34</sup>. «Приспособленные» к крестьянскому труду пленные превратились чуть ли не в членов крестьянских семей. «На рынке в г. Кургане можно увидеть такую умильную картину: австриец в крестьянском платье на возу сена или дров рядом с бабой-солдаткой приехали продавать, – сообщала своим читателям “Пермская земская неделя”. – Иногда все это дело поручается одному австрийцу, а хозяйка остается дома»<sup>35</sup>. Столь доверительные отношения своих жен с военнопленными воюющие на фронте мужья решительно не одобряли, требуя отказаться от их «услуг», а вместе с тем и от размещения в своих домах «заклятого и коварного» врага: «Мы не можем не указать, что подобная помощь семьям нашим австрийцами является для нас неизлечимой раной и гораздо лютее позиционной. Это не помощь, а расстройство, даже уничтожение семейной жизни. До сего времени нам казалось, что в плен забрали мы австрийцев, но оказалось, что австрийцы наших жен пленяют»<sup>36</sup>.

В городах и на заводах, где почва для неформальных отношений пленных с местными женщинами не отличалась такой благодатностью, они тем не менее также могли существовать. Кто-то из местных жительниц подкармливал военнопленных из сострадания, кто-то обстирывал, кто-то доставлял в соседний лагерь их нелегальную переписку, кто-то помогал им бежать, а кто-то просто временно заменял их далеких

подруг<sup>37</sup>. Не останавливала даже угроза административного или уголовного наказания, которое настигало обе стороны, уличенные в «опасных связях». Их масштабы оказались таковы, что власти в итоге были вынуждены согласиться хотя бы на их частичную формализацию, разрешив браки между некоторыми категориями военнопленных и русскими женщинами, расплывчато поясняя при этом, что «в некоторых случаях, если просьба о браке мотивируется нравственной необходимостью, а также иными побуждениями, браки могут быть разрешаемы и пленным, не принадлежащим к указанным категориям»<sup>38</sup>.

Плен Второй мировой войны при всей его суровости романтических отношений пленных и русских женщин также не исключал. Так, военнопленный австриец Росман из лагеря № 245 (Нижний Тагил) «установил интимные связи и сожительствовал со спецпереселенкой немкой Пельцер», а румын Кастор из лагеря № 377 (Кировград) и работница шахты Батанина не просто длительно «сожительствовали», но и обзавелись ребенком. Работница леспромхоза Поварницкая установила «личное знакомство» с пленными венграми Ола и Айдель, содержавшимися в лагере № 376 (Красноуральск), и оказала деятельную помощь при совершении ими побега, в результате чего предстала перед судом вместе с бежавшими<sup>39</sup>.

Едва ли не повсюду в «непозволительных связях» с пленными были замечены и «отдельные морально-неустойчивые» женщины из лагерного персонала. Зимой 1943 г. в лазарете лагеря № 153 (Нижний Тагил) обнаружили, что близкие отношения уже давно связывают врача-ординатора Ворвак с работающим здесь же зубным врачом венгром Эрчей, которого женщина снабжала спиртом и продуктами. Начальник санитарного отдела одного из отделений лагеря № 531 (Верхняя Пышма) Наседкина в 1947 г. «завела роман» с военнопленным румыном Джержеску и, более того, «создала условия для встреч у себя на квартире переводчицы Хинской и военнопленного румына Черчила»<sup>40</sup>.

Общественное мнение в годы обеих войн не одобряло интимных отношений военнопленных мужчин и местных представительниц «слабого» пола, – отношений, развязка которых, как правило, была печальна. Так, невьянская учительница Екатерина Зубарева и пленный чешский офицер Карл Вышка, чья «преступная» связь получила огласку весной 1916 г., были вынуждены расстаться<sup>41</sup>. Настоящей трагедией закончилась в 1955 г. история любви немецкого военнопленного В. Кааса и фельдшера одного из отделений лагеря № 476 М. Рапопорт: задумав от безысходности совершить двойное самоубийство, возлюбленные почти осуществили свой план, вот только Мария умерла, а Вилли остался жив, получив к своим 25 годам исправительно-трудовых лагерей еще 10.

Интимные отношения заводили в тупик не только любовников, но и кардинально меняли жизнь их близких. Разрушаясь, композиция диалоговой коммуникации трансформировалась во что-то совершенно иное, выходящее за рамки приватности. Для локального сообщества в целом, в особенности для его мужской половины, такой коммуникативный опыт был вызовом, актуализируя вековые гендерные стереотипы. «Я не могу перенести позора за жену. Пусть она уже с нашими врагами распутничать идет, передавать им нужные сведения, но не под моей фамилией... Я отказываюсь от своей жены, дабы не иметь на себе того грязного пятна, которое положила на себя моя жена», – писал, испрашивая в Пермской духовной консистории разрешение на развод, старший аптечный фельдшер 2-й Туркестанской стрелковой артбригады Д. Некрасов, заподозривший в неверности свою супругу Клавдию, телеграфистку ст. Верхотурье Богословской железной дороги<sup>42</sup>.

Очевидно, что наличие у фельдшера Некрасова относительно «свежего» боевого опыта серьезно повлияло на эмоциональную окрашенность его послания. Для коммуникативных стратегий, реализуемых военнопленными и местными жителями-мужчинами, это было общим местом. При одностороннем наличии у коммуникантов «окопного» или любого другого боевого опыта соучастия в войне их отношения развивались в основном мирно и значительно осложнялись при двустороннем. Не случайно граж-

данские и военные власти, озабоченные проблемой дисциплинирования как вражеских военнотружеников, так и местного населения, настоятельно рекомендовали при найме охранников, конвоиров и сторожей для пленных отдавать предпочтение фронтовикам<sup>43</sup>. Только что вернувшиеся с передовой или бежавшие из плена русские солдаты и офицеры, с одной стороны, и пленные иностранцы – с другой, по понятным причинам, с трудом находили общий язык, и их контакты редко перетекали из плоскости формальной коммуникации в плоскость доверительного дружеского общения.

В какой-то мере это справедливо и применительно к коммуникативным практикам Второй мировой войны. Пример тому – случившееся 14 августа 1943 г. в отделении № 6 лагеря № 153 ЧП, когда начальником караула был застрелен пленный А. Штефан. Первоначально следствие считало, что убийство произошло при попытке к побегу. Однако 23 августа 1943 г. начальник караула на допросе показал, что застрелил пленного, исходя из личных мотивов и находясь в состоянии аффекта: «Около двух месяцев тому назад я получил письмо... с моей родины – Ростовская область, Кагальницкий район, – в котором мне сообщили, что мою мать, брата и сестер убили фашисты. Кроме того, я был на фронте и ранен 9 раз, из которых 5 ранений тяжелых»<sup>44</sup>.

Отношение мужской части населения края к пленным Первой мировой войны не отличалось светлыми тонами еще и потому, что пленные, используемые на фабрично-заводских работах, обострили конкуренцию на рынке труда и заработной платы. «В России достаточно велик свободный трудовой запас, чтобы не надо было обращаться к военнопленным. Именно поэтому, что этот большой запас велик, нельзя у него отнимать работу и отдавать военнопленным», – писала газета «День» в начале 1915 г.<sup>45</sup> Опасение, что применение труда иностранцев в перспективе «уронит требование на местных рабочих» и «поставит рабочие классы в затруднительное положение»<sup>46</sup>, вынудило власти вмешаться в общественную дискуссию. Высказанные при этом сожаления, что пользование «услугами» военнопленных в связи с дефицитом рабочих рук является неизбежным, не поставили точки в бурных дебатах<sup>47</sup>. Ропот среди рабочих продолжался. Они «начали заявлять свое нежелание работать на одинаковых с пленными условиях, так как пленные работают во много раз медленнее», и их нерадивость компенсируется трудом местных же рабочих<sup>48</sup>. Следом появились заявления о том, что пленные иностранцы живут лучше, чем русские рабочие, так как первые тратят свой заработок только на себя, а вторые содержат на те же деньги еще и свои семьи<sup>49</sup>.

Сильное возмущение вызывали случаи отказа пленных от работ, ставшие настоящим бедствием в 1916–1917 гг. Пленные практически сами настраивали против себя местное население, которое в итоге перешло от разговоров к делу. В июле 1917 г. на собрании рабочих Невьянского завода было признано необходимым наказывать пленных за отказ от работы более сурово, нежели прежде, после чего переводить их на более грязные и тяжелые работы<sup>50</sup>. 8 декабря 1917 г. Совет рабочих депутатов Верх-Исетского завода предписал заводууправлению «пленных, которые работают и желают работать, тех пленных перевести в лучший барак и выдать им теплые вещи для работы, а которые не желают работать, у тех отобрать заводские вещи и передать тем, которые желают работать»<sup>51</sup>.

Плен Второй мировой войны не знал таких проблем, поскольку рабочим и военнопленным делить было особенно нечего. Порой их отношения на производстве складывались как нейтральные и даже приятельские. Инвалид Великой Отечественной войны, ветеран труда В. Богатырев, работавший с 1948 г. в одном из цехов «Уралмашзавода» в Свердловске вспоминает: «Каждый день к 8 часам утра привозили к нам на участок одного немца. Сначала мы к нему относились настороженно. Но увидев его отношение к работе, дружелюбие и приветливость, изменили свое отношение. Мы увидели в нем такого же рабочего парня, как и мы сами. От него подчас даже зависел наш заработок... и не было случая, чтобы из-за него была не сдана продукция»<sup>52</sup>.

Оказавшиеся во время и непосредственно после войны в близких по экстремальности условиях жизни местное население и пленные иностранцы быстро «скооперировались». Один из старожилов с. Писанец В. Зырянов вспоминает: «В годы войны



местным труднее приходилось, голодали, а пленные кормились хорошо. Им полагалась пайка хлеба, который колхозникам не выдавали. Пришлось подростком мне одно время пасти коров. Очень есть хотелось. Вот потихоньку надоишь грамм восемьсот молока – за это могли и наказать строго – и обменяешь у немца на хлеб»<sup>53</sup>. Другая жительница села запомнила, что пленные часто приходили к ним домой за табаком: «Моя бабушка, Упорова Ефросинья Прокопьевна, выращивала табак, сушила его и обменивала на мыло, которое приносили немцы»<sup>54</sup>.

«Кооперация» местных жителей и пленных иностранцев не всегда, правда, преследовала «мирные» цели. Однажды ночью, пишет Й. Пехман, караульный вывел из барака нескольких военнопленных, вооруженных ломami, и по темной улице повел их на территорию бывшего завода. Там были большие деревянные ворота, которые при помощи указанного инструмента быстро превратились в дрова, доставленные в помещении караульных, которые, как и пленные, страдали от холода и нехватки топлива. О совершенном хищении госимущества (хоть и брошенного) пленные не распространялись, осознавая, что накажут не только их, но и их «подельников»<sup>55</sup>. И действительность это многократно подтверждала: «Один наш офицер взял пленного, тот на лошади работал, чтобы отвезти домой диван. Дал этому немцу закурить и немного выпить. Когда мебель перевезли, офицер сказал немцу: “Дорогу знаешь? Возвращайся в лагерь”. По дороге назад немец уснул и вместо Дегтярки приехал в Ревду. Спрашивает: “Где лагерь?”. Ему показали, он конвоиру сдался. А в Дегтярке в это время началась паника: немец с лошадей сбежал». Когда все выяснилось, «диванного» офицера посадили на губу, равно как и заведующего конным двором. Поехали в лагерь за пленным. Спросили, как же так вышло? Пленный ответил: «Немногок шнапс – и все»<sup>56</sup>.

Не претендуя на итог, можно сказать, что репертуар коммуникативных практик, реализуемых в пространстве плена, был не только богат содержательно, но характеризовался определенной динамикой. В период Первой мировой войны эта динамика была скорее отрицательной, эволюционировав в сторону роста напряженности между пленными и местными жителями и тем самым обнажая общую тенденцию обострения социальных противоречий в империи. В годы Второй мировой и непосредственно после нее во взаимодействиях пленных иностранцев и местного населения позитив зримо преобладал над негативом, что позволяет говорить о положительной динамике их отношений. При этом, оказав или не оказав влияние на функционирование относительно стабильных социальных структур, неформальная коммуникация в пространстве плена стала важным условием для развития коммуникативных навыков и, соответственно, повышения коммуникативной компетентности всех ее агентов. И дело было не в том, что властям не удалось выстроить четкую систему формальных коммуникаций и неформальные в итоге стали ее компенсационным дополнением. На бытовом уровне они воспринимались как естественное продолжение нормативных коммуникативных практик, а потому плен изначально являл собой дуалистичную реальность, в которой официально санкционированные институты и модели поведения составляли лишь верхушку айсберга. Его видимой части противостояла (или скорее дополняла ее) невидимая часть, «утопленная» в каждодневных опытах социального взаимодействия и противодействия, которые при их обстоятельном обследовании демонстрируют свойство самым неожиданным образом влиять на рисунок военного плена как такового и позволяют увидеть как его общие, эмблематичные характеристики, так и то, что является по отношению к ним периферией.

## Примечания

<sup>1</sup> Государственный архив Пермского края (далее – ГА ПК), ф. 65, оп. 5, д. 140а, л. 412–412 об.

<sup>2</sup> Государственный архив Свердловской области (далее – ГА СО), ф. 50, оп. 2, д. 3184, л. 322–324; ф. 123, оп. 1, д. 3, л. 445 об.; Систематический свод постановлений Пермского губернского

земского собрания 58–62 чрезвычайных сессий и 47 очередной сессии 1916–1917 гг. Пермь, 1917. С. 120; Уральская жизнь. 1916. 24 мая.

<sup>3</sup> РГВА, ф. 1п, оп. 15а, д. 341, л. 15, 34.

<sup>4</sup> Галицкий В.П. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Советское государство и право. 1990. № 4. С. 128.

<sup>5</sup> См., например: Кричко Е. Неформальная коммуникация в «закрытом» обществе: слухи военного времени (1941–1945) // Новое литературное обозрение. 2009. № 6. С. 494–508. В таком ключе неформальная коммуникация рассматривалась и на прошедшей 1–2 октября 2009 г. в Москве Международной научной конференции «Слухи в России XIX–XX веков: неформальная коммуникация и “крутые повороты” российской истории».

<sup>6</sup> См. об этом: Хабермас Ю. К логике социальных наук. Теория коммуникативного действия // Современная западная теоретическая социология: Реферативный сборник. Вып. 1. М., 1991; он же. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000; и др.

<sup>7</sup> ГА ПК, ф. 65, оп. 3, д. 593, л. 1 и др.; ф. 146, оп. 1, д. 146, л. 2–22; Уральская жизнь. 1915. 11, 19, 22, 29 апреля.

<sup>8</sup> См.: Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956. Wien-München, 1995. Русский перевод: Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: Плен и интернирование в Советском Союзе, 1941–1946. М., 2002.

<sup>9</sup> Воспоминания жителя г. Дегтярска Свердловской обл. В. Кокорина. Аудиоархив автора.

<sup>10</sup> Воспоминания жителей с. Писанец Артемовского района Свердловской обл. А. Зыряновой и А. Шехирева. Архив автора.

<sup>11</sup> РГВА, ф. 1п, оп. 15а, д. 247, л. 93; д. 346, л. 112–113; Пермская земская неделя. 1916. 20 марта.

<sup>12</sup> Уральская жизнь. 1915. 3 января.

<sup>13</sup> Пермские губернские ведомости. 1915. № 152.

<sup>14</sup> Пермская земская неделя. 1916. 12 июня.

<sup>15</sup> Pechman J. Dawai, dawai! Meine Kriegsgefangenschaft in Ural 2 Mai 1945–17 Dezember 1947. Wien, 1997.

<sup>16</sup> Из письма жительницы пос. Лосиный Березовского района Свердловской обл. Н. Селезневой в редакцию газеты «Уральский рабочий». Архив автора.

<sup>17</sup> Пермская земская неделя. 1915. 3 мая.

<sup>18</sup> Пермские губернские ведомости. 1916. 7 июля.

<sup>19</sup> ГА ПК, ф. 65, оп. 3, д. 593, л. 109.

<sup>20</sup> Воспоминания жителя г. Дегтярска Свердловской обл. В. Жукова. Аудиоархив автора.

<sup>21</sup> Там же.

<sup>22</sup> Воспоминания жителя г. Первоуральска Свердловской обл. В. Присяжного. Архив автора.

<sup>23</sup> Зауральский край. 1915. 11 февраля.

<sup>24</sup> ГА ПК, ф. 65, оп. 3, д. 593, л. 219–221. См. также: Пермские губернские ведомости. 1916. 24 мая.

<sup>25</sup> ГА ПК, ф. 65, оп. 3, л. 133 об., 155–156 об.

<sup>26</sup> Там же, л. 156.

<sup>27</sup> Там же, л. 132 об.–133.

<sup>28</sup> Воспоминания жителя г. Дегтярска Свердловской обл. Н. Иванова. Аудиоархив автора.

<sup>29</sup> См. об этом: Суржикова Н.В. «Мы были в шоке»: Советский плен и интернирование как стресс аккультурации // Вестник РУДН. Сер. История России. 2009. № 3. С. 132–143.

<sup>30</sup> Воспоминания жителя г. Дегтярска Свердловской обл. Н. Иванова. Аудиоархив автора.

<sup>31</sup> Уральская жизнь. 1916. 1 апреля.

<sup>32</sup> ГА ПК, ф. 65, оп. 3, д. 601, л. 1, 1 об.

<sup>33</sup> Там же, ф. 146, оп. 1, д. 95, л. 530.

<sup>34</sup> Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 21.

<sup>35</sup> Пермская земская неделя. 1915. 26 февраля.

<sup>36</sup> Зауральский край. 1915. 21 мая; Пермская земская неделя. 1916. 24 апреля.

<sup>37</sup> ГА ПК, ф. 65, оп. 3, д. 593, л. 109, 132–133 об., 155 об.–156, 199; оп. 5, д. 156, л. 7–7 об., 8, 12, 12 об., 16, 21, 21 об., 22; д. 165, л. 33; ф. 214, оп. 1, д. 16, л. 75–75 об., 105–106; Зауральский край. 1917. 27 января; Пермские губернские ведомости. 1915. 27 ноября; 1916. 13 января; и др.

<sup>38</sup> Пермский вестник Временного правительства. 1917. 5 июня.

<sup>39</sup> РГВА, ф. 1 п, оп. 15а, д. 341, л. 153.

<sup>40</sup> Архив Управления ФСБ России по Свердловской области, ф. 9, оп. 11, д. 66, л. 80.

- <sup>41</sup> ГА ПК, ф. 214, оп. 1, д. 16, л. 101, 101а–101г об., 168–169; Зауральский край. 1916. 2 августа; Пермские губернские ведомости. 1916. 17 августа; Уральская жизнь. 1916. 21 августа.
- <sup>42</sup> ГА ПК, ф. 65, оп. 3, д. 82, л. 261.
- <sup>43</sup> См. об этом: ГА СО, ф. 45, оп. 1, д. 221, л. 19; ф. 24, оп. 20, д. 2825, л. 125 об.
- <sup>44</sup> Архив Управления ФСБ России по Свердловской области, ф. 9, оп. 11, д. 3, л. 180–181.
- <sup>45</sup> Цит. по: Пермская земская неделя. 1915. 26 февраля.
- <sup>46</sup> Уральская жизнь. 1915. 30 мая.
- <sup>47</sup> ГА ПК, ф. 280, оп. 1, д. 2647, л. 36.
- <sup>48</sup> ГА СО, ф. 45, оп. 1, д. 245, л. 222.
- <sup>49</sup> Там же, д. 1041, л. 1.
- <sup>50</sup> Уральская жизнь. 1917. 9 июля.
- <sup>51</sup> ГА СО, ф. 72, оп. 1, д. 5641, л. 93.
- <sup>52</sup> Из неопубликованного письма В. Богатырева в редакцию газеты «Уральский рабочий». Архив автора.
- <sup>53</sup> Воспоминания жителя с. Писанец Артемовского района Свердловской обл. А. Зырянова. Архив автора.
- <sup>54</sup> Воспоминания жительницы с. Писанец Артемовского района Свердловской обл. А. Зыряновой. Архив автора.
- <sup>55</sup> *Pechman J.* Op. cit.
- <sup>56</sup> Воспоминания жителя г. Дегтярска Свердловской обл. Н. Иванова. Аудиоархив автора.

© 2011 г. И. А. ЖДАНОВА \*

## ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ РОССИЙСКИХ ПЛЕННЫХ В 1918–1919 годах

За годы Первой мировой войны в плену оказалось около 8 млн солдат и офицеров и более 200 тыс. мирных жителей. Среди пленных большинство составляли военнослужащие российской армии (2,4 млн человек). По сравнению с Россией количество военнопленных ее союзников было не столь велико: 569 тыс. итальянских, 506 тыс. – французских, 153 тыс. – сербских, 191,65 тыс. – британских, 80 тыс. – румынских, 34,66 тыс. – бельгийских, 12,3 тыс. – португальских, 7 тыс. – черногорских, 4,5 тыс. – американских, 1 тыс. – греческих. Пленных Австро-Венгрии насчитывалось 2,2 млн человек, Германии – 1 млн 153 тыс., Турции – 479 тыс., Болгарии – 78 тыс. человек. Российские пленные в основном содержались в Германии и Австро-Венгрии. Из 2,4 млн человек 190 тыс. умерли в плену. До 1918 г. в Россию прибыли 715 тыс. попавших в плен инвалидов; еще 60 тыс. человек бежали из плена. В 1918–1921 гг. вернулись 1 млн 142 тыс., 95 тыс. бывших российских пленных остались в Европе. После установления новых границ в Польшу и прибалтийские государства возвратились 215 тыс. человек<sup>1</sup>.

О.С. Нагорная справедливо указала на разницу между тем, как принимались на родине бывшие пленные после Второй и Первой мировых войн. Если в 1940-х гг. многие из них снова попадали в лагеря, то в 1918–1922 гг. сталкивались лишь с недостатком заботы и плохой организацией приема<sup>2</sup>. В исследованиях, посвященных российским пленным Первой мировой войны, в основном описывается период пребывания в плену<sup>3</sup>. Возвращение на родину в 1918–1922 гг. освещено в историографии слабее<sup>4</sup>. Особого внимания заслуживает при этом ситуация, сложившаяся в 1918 – начале 1919 г. в

---

\* **Жданова Ирина Анатольевна**, кандидат исторических наук, главный археограф Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга.